

**«ФИНЛЯНДСКАЯ ГАЗЕТА»
О РУСИФИКАЦИИ ПРИБАЛТИКИ
И ФИНЛЯНДИИ (1900–1904)**

Е.Л. Назарова
(Москва)

«Финляндская газета» (далее – *ФГ*) – единственный русскоязычный печатный орган, публиковавшийся в Великом княжестве Финляндском. Газета выходила с 1900 г. до революции 1917 г.; начало ее издания было одним из элементов осуществляемой генерал-губернатором Н.И. Бобриковым программы сближения Финляндии с Российской империей. В русской историографии эта газета удостоилась лишь общих упоминаний¹. Подробнее она рассматривается в некоторых работах финских историков. Т. Полвинен характеризует ее как издание чрезвычайно тенденциозное, крайне не популярное в финляндском обществе, а после убийства Бобрикова в июне 1904 г. потерявшее свое первоначальное назначение «рупора» проводимых преобразований. В последующие годы газета с точки зрения ее общественной значимости превратилась в «живой труп» и в печатный орган исключительно русской общины Фин-

¹ См.: Финляндия // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXXV^a (70). СПб. б.г. С. 953; Финляндская газета // Там же. Т. XXXVI (71). СПб., 1902. С.6; *Бородкин М.М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 180. В многотомной работе М.М. Бородкина, где времени правления Н.И. Бобрикова посвящен целый том, в отдельной главе рассматривается положение финляндской печати в те годы и оценки в прессе наступления на автономные права Финляндии. Но о *ФГ* там не упоминается (см.: *Бородкин М.М.* История Финляндии. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. Т. 7. С. 328–370).

ляндии². Мнение Полвинена основывается на выводах статьи Т. Торвинена, проведшего небольшое исследование газеты – ее задач, тематики, личностей и общественно-политических взглядов ее редакторов и т.п. Тем не менее, думается, что газета представляет интерес как источник по истории русской общины в Финляндии, а также по истории русификации национальных окраин империи. Причем, в издании нашли отражение и реакция на проводимые меры в финляндском обществе, и то, как эти меры оценивались официальными властями империи, а также частью русской общественности, исповедовавшей великодержавно-националистические взгляды.

В настоящей статье мы не ставим задачу исследовать, как представлены в данном печатном органе все стороны политики русификации в Финляндии. В сфере нашего внимания находится оценка того, как история русификации и ее результаты на начало XX в. в Прибалтийском крае использовались в *ФГ* (в наиболее действенный период ее существования – 1900–1904 гг.), чтобы склонить местное финляндское общество к принятию проводимых здесь аналогичных мер. Кроме того, в репортажах из Прибалтийских губерний проявились представления русских националистов о том, как они хотят видеть обрусевшую Финляндию.

Современные финские историки указывают на то, что модель русифицированной национальной окраины, утверждавшейся в Финляндии, ранее была опробована в Прибалтийском крае. При этом нельзя не согласиться с Т. Полвиненом, что и в Прибалтике, и в Финляндии политика русификации, несмотря ни на что, была неудачной

² *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904 гг. СПб., 1997. С. 186–187 (Перевод с финского монографии: *Valtakunta ja rajamaa. N.I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernööriä 1898–1904. Porvoo-Helsinki-Juva, 1985*); *Torvinen T.* *Finlajandskaja gazeta, rauhan ja luottamuksen edistäjä // Turun historiallinen arkisto.* 31. Turku, 1976. P. 242–258.

для имперских властей и привела лишь к подъему национального движения коренных народов, а в ее осуществлении проявились присущие российскому царизму расхождения между желанием и возможностью³.

Сравнения между национально-политической ситуацией – резким обострением антирусских и антиимперских настроений – в Великом княжестве Финляндском в последнем десятилетии XIX в. и положением в Царстве Польском накануне восстаний 1831 и 1863 гг. проводились в русской периодической печати (в первую очередь, в газете «Московские ведомости») и публицистике рубежа XIX–XX вв. Кроме того, обращалось внимание на необходимость использовать опыт мероприятий по усилению имперского и русского начала в Польше и в Прибалтийских губерниях при проведении аналогичных реформ в Великом княжестве⁴. А миссия финляндского генерал-губернатора

³ *Полвинен Т.* Указ. соч. С. 24–25. Правда, стоит все же говорить о том, что переход от политики германизации коренных народов к русификации – особенно в области школьного образования, не привел к развитию национальных культур и национальных движений, а способствовал ускорению процесса их развития. Национально-культурное возрождение латышей и эстонцев в 80-х годах XIX в. находилось уже на той стадии развития, когда они могли уже достаточно успешно противостоять русификации.

⁴ См., например: *Мессарош П.И.* Финляндия – государство или русская окраина? Значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. СПб., 1897. С. 102–106, 133–134, 192–193, 330; *Московские ведомости.* 1890. № 6. 6 января. С. 3 (*без автора и названия*); (*Ред.*) Дневник печати. Финляндские дела // *Московские ведомости.* 1897. 23 октября. С. 4; *Мессарош П.И.* Народное образование в Финляндии // *Московские ведомости.* 1898. № 45, 14 февраля. С.1–2; *К.Я.* Финляндская печать о графе Ф.Л. Гейдене // *Московские ведомости.* 1897. № 331, 1 декабря. С. 2–3; № 332, 2 декабря. С. 2–3; № 345. 15 декабря. С. 2–3; (*Ред.*) Аннотация новой книги П.И. Мессароша «Финляндия-государство или русская окраина?» // *Московские ведомости.* 1898. № 35. С. 4; и др.

Н.И. Бобрикова (1898–1904), проводившего программу реформ по интеграции Финляндии в Российскую империю, сравнивалась с миссией графа М.Н. Муравьева, подавившего восстание 1863–1864 гг. и «наведшего порядок» в Польше и Северо-Западном крае⁵. Сам Бобриков также видел сходство своих задач с тем, что делал Муравьев, но при этом, разрабатывая свою программу преобразований в Финляндии, считал необходимым изучать опыт деятельности Н.А. Манасеина в Прибалтийских губерниях в 80-х годах XIX в.⁶

Пункт об учреждении и издании русскоязычной газеты в Финляндии Н.И. Бобриков включил в Дополнение к своей программе, представленное императору в 1899 г. Желания иметь русскую газету в Финляндии высказывались и ранее, но отклонялись финляндским сенатом как противоречившие Конституции княжества, согласно которой газеты и журналы могли издаваться только на государственных – шведском и финском языках. Это обстоятельство усиливало антифинляндские настроения в российском общественном мнении⁷. Тем не менее, в условиях, когда печатное слово приобретало все большее значение для формирования настроений в обществе, а финляндские – шведские и значительная часть финских – периодические издания в большом количестве печатали материалы против любых попыток имперских властей вторгнуться во внутренние устои автономии, нужен был некий печатный орган, который обосновывал бы правительственную точку зрения. За обстановкой в Великом княжестве и по фин-

⁵ Мессарош П.И. Все ли благополучно в Финляндии? // Московские ведомости. 1897. № 325. 25 ноября. С. 2.

⁶ Полвинен Т. Указ. соч. С. 64.

⁷ См.: Мессарош П.И. Финский духовно-православный журнал «Утренняя заря» // Московские ведомости. 1897. №. 348. 18 декабря. С. 2; *он же*. Печатное слово в Финляндии // Там же. № 353. 23 декабря. С. 3; (Ред.) Несколько слов о русском органе в Финляндии // Финляндская газета. 1900. № 1. 1 января. С. 2.

ляндским, и по русским газетам постоянно следили в Западной Европе. Покушение на конституционные права в условиях становления демократических основ буржуазных государств воспринималось в Европе очень болезненно⁸. Соответственно, власти Российской империи были заинтересованы в том, чтобы в мире реформы в Финляндии были представлены как действия необходимые и проводившиеся на пользу коренного финского населения.

Кроме того, газета должна была объяснять задачи и действия правительства, и в Финляндии (ориентируясь, в первую очередь, на русскую общину, но и формируя слой сторонников сближения с Россией среди финнов – финской интеллигенции и отчасти финского православного населения), и в коренной России, в обществе которой также не было единого мнения в оценке ситуации в Великом княжестве Финляндском⁹.

Рескрипт об учреждении газеты на русском языке в Финляндии, источниках и размерах ее финансирования император издал в ноябре 1899 г.¹⁰ Первый номер газеты датирован 1 января 1900 г. Газета выходила через день. Учитывая, что лишь небольшая часть финнов и шведов Финляндии владела русским языком, раз в неделю выпускали дайджест наиболее важных материалов на финском языке («*Suomen Sanomaat*»).

Главным редактором *ФГ* был назначен И.А. Баженов, журналист с большим стажем работы в разных га-

⁸ М.М. Бородкин отмечал, что в 1899 г. рассчитывая на сочувствие Запада, финляндцы организовали особое бюро печати. Появились подпольные издания (см.: *Бородкин М.М.* История Финляндии. С. 328–370; *он же.* Краткая история. С. 181). Чтобы ограничить поступление информации, имперские власти закрыли многие оппозиционные империи шведские и финские газеты.

⁹ См.: *Мессарош П.И.* Финляндия – государство или русская окраина? С. 67–68; также: Аннотация новой книги П.И. Мессароша... С.4 и др.

¹⁰ *Torvinen T.* Op. cit. P. 242–245; *Полвинен Т.* Указ. соч. С. 95, 179, 185, 186.

зетах («Юридическом вестнике», «Русском курьере», «Современных известиях», «Московском телеграфе», «Санкт-Петербургских ведомостях», «Биржевых ведомостях» и др.). В журналистских кругах Баженов был известен как поборник идей национализма и величия России. До и после работы в *ФГ* (1900–1908) он был деятельным членом таких националистических организаций, как Всероссийский Национальный Клуб, Всероссийский Национальный Союз и Галицко-русское общество. Считается, что именно на посту главного редактора *ФГ* Баженов окончательно сформировался как русский националист¹¹. Его кандидатура вполне соответствовала той задаче, которая отводилась газете в реализации программы русификации Финляндии.

Правда, на должность главного редактора газеты, по всей видимости, претендовал один из идеологов русификации Финляндии, с 1897 г. работавший корреспондентом «Московских ведомостей» в Гельсингфорсе, П.И. Мессарош. Именно он еще в своей книге сформулировал необходимость русской газеты при проведении реформ по ликвидации финляндского изоляционизма¹². Он добился встречи и имел беседу с Н.И. Бобриковым еще до того, как тот отправился в Финляндию, и позже пытался выступать в роли его советника. Однако Бобрикову не понравилась чрезмерная резкость суждений журналиста в оценках ситуации в Финляндии и методах проведения реформ. Мессарош даже ухитрился обвинить генерал-губернатора в том, что он недостаточно проводит российскую линию¹³. Так что при назначении на должность главного редактора для новой газеты предпочли журналиста с более умеренными взглядами. Хотя в материалах газеты отчетливо про-

¹¹ Некролог // Вестник Русского Собрания. 11 ноября 1915 г.. № 19–20; Некролог // Земщина. 1915. 28 октября;

<http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=5493&abc=1>

¹² Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина? С. 191.

¹³ Полвинен Т. Указ. соч. С. 67–71.

сма­три­ва­лось влия­ние пуб­ли­ка­ций «Мос­ков­ских ве­до­мо­стей» и кон­крет­но то­го, что пи­сал Мес­сарош.

В пер­вом но­мере *ФГ* ха­рак­те­ри­зу­ет­ся как пра­витель­ствен­ная га­зе­та, приз­ван­ная слу­жить прин­ци­пам го­судар­ствен­ности. Эти прин­ци­пы, при­менитель­но к Фин­ляндии, за­к­лю­ча­ют­ся в сле­дую­щем: «им­пе­рия еди­на и не­раз­де­ли­ма с од­ной вер­хов­ной вла­стью во гла­ве»; «па­три­отизм не может быть ис­клю­чи­тель­но мест­ным». Широ­кие ав­то­ном­ные пра­ва, дан­ные Фин­ляндии Алек­сан­дром I, под­твер­жде­ны в 1899 г. Нико­лаем II. Ко­рен­ные жи­тели Фин­ляндии, «оста­ваясь фин­на­ми, могут быть хо­ро­ши­ми рус­ски­ми под­дан­ны­ми. Они... не­со­м­нен­но рус­ские по прися­ге и по­ли­ти­че­ским стрем­ле­ни­ям». Но не­льзя быть «вер­ным под­дан­ным мо­нар­ху, не пи­тая ни­ка­ко­го со­чув­ствия к Рос­сии». «Рос­сия по от­но­ше­нию ко всем на­род­но­стям, вхо­дя­щим в ее со­став, яв­ля­ет­ся доб­ро­же­ла­тель­ной и лю­бя­щей ма­терью, не по­ся­гаю­щей на их ве­ру, язык и обы­чаи». Мо­щадь Рос­сии по­зво­ляет «обес­пе­чить пра­ва и сво­бо­ду ино­род­цев, не у­ма­ляя их бла­го­по­лу­чия, не за­труд­няя их сво­еоб­раз­ных куль­тур», по­зво­ляет пре­дос­та­вить всем жи­телям го­судар­ства «оди­на­ко­вое по­ло­же­ние и за­щиту». При этом Рос­сия впра­ве тре­бо­вать «рав­ной от всех служ­бы... и не­се­ния об­щих го­судар­ствен­ных по­вин­но­стей».

Ис­хо­дя из из­ло­жен­ных прин­ци­пов, га­зе­та бу­дет ста­раться сде­лать бо­лее тес­ны­ми от­но­ше­ния ме­жду рус­ски­ми и фин­на­ми, что­бы эти «узы» бы­ли «самые тес­ные, про­ник­ну­тые и со­гретые ми­ром и лю­бовью». Как пра­витель­ствен­ный ор­ган, га­зе­та не бу­дет «вхо­дить в прере­ка­ния» с мест­ны­ми га­зе­та­ми, но с пол­ной на­стой­чи­востью не пре­минет вос­ста­но­вить фак­ты, если они бу­дут лож­но ис­тол­ко­ваны или не­вер­но ос­ве­ще­ны»¹⁴.

Ина­че го­во­ря, Рос­сия со­хра­няет за Фин­ляндией ав­то­ном­ные пра­ва в об­мен на те ус­ту­пки, ко­то­рые не­об­хо­ди­мы, по м­не­нию вер­хов­ной вла­сти, для сбли­же­ния это­го ре-

¹⁴ За­да­чи Фин­лянд­ской га­зе­ты // Фин­лянд­ская га­зе­та. 1900. №1. 1 ян­ва­ря. С. 1–2.

гиона с остальной империей. Для того, чтобы автономия существовала и далее, Великое княжество должно стать более открытым регионом для жителей остальной части государства, унифицировать права и обязанности своих граждан с правами и обязанностями всех граждан империи. Таким образом, сохранение автономии возможно при сокращении тех ее основ, которые были закреплены в местной Конституции. Газета же будет разъяснять общественности суть проводимых верховной властью мер, не вступая в дискуссии, но показывая необходимость и неизбежность этих преобразований¹⁵.

В своей пропагандистской работе И.А. Баженов активно использовал материалы «Рижского вестника», русскоязычной газеты другой национальной окраины западной части империи – Прибалтийского края. Как и *ФГ*, «Рижский вестник» начал издаваться (с 1869 г.) как печатный орган, который должен был способствовать интеграции региона с остальной частью страны и в этом отношении противостоящий закрытости остзейской автономии. В газете публиковались на государственном языке основные правительственные распоряжения; большое внимание уделялось деятельности в регионе Православной церкви, которая, помимо своих религиозных обязанностей, выступала в качестве защитницы коренных народов от занимавших господствующее положение прибалтийских немцев. «Рижский вестник» был также важным инструментом в объединении русской общины в Прибалтийском крае, печатал материалы о русской литературной и культурной жизни, о деятельности численно увеличивающихся в регионе русских купцов и предпринимателей. В газете публиковались биржевые сводки, информация торгового и предпринимательского характера, что делало это печатное издание интересным и для представителей деловых кругов Центральной России, где были ее постоянные подписчи-

¹⁵ Там же.

ки¹⁶. При этом лейтмотивом в «Рижском вестнике» проходила мысль о неизбежности превращения Прибалтийского края в русский регион.

Первым главным редактором и издателем «Рижского вестника» был известный историк, автор получивших широкую известность трудов по истории Прибалтийского края Е.В. Чешихин, близкий по взглядам славянофилам. После его смерти в 1888 г. редактором стал журналист, публицист и издатель Л.Н. Витвицкий¹⁷. Оба они, как и И.А. Баженов, разделяли взгляды славянофилов, выступали защитниками русских и государственных интересов на национальных окраинах. Так что «Рижский вестник» был образцом печатного издания для редактора *ФГ*. В анонсе о подписке на «Рижский вестник», помещенном уже во втором номере *ФГ*, эта газета характеризовалась как «орган русских интересов в Прибалтийском крае», который рассматривает явления местной жизни с русской государственной точки зрения, стараясь содействовать всеобщему объединению Балтийской окраины с Империей»¹⁸.

Интерес к «Рижскому вестнику» и его оценкам политики правительства в Прибалтийском крае был вызван у издателей *ФГ* еще и тем, что центральная русская пресса не всегда адекватно понимала национально-политическую

¹⁶ См., например, список подписчиков «Рижского вестника» из представителей русских предпринимателей в Москве, Ярославле, Костроме, Казани, Владимира, Астрахани и др. в начале 70-х годов XIX в. Всего 28 человек, которые получали газету через Ф.В. Чижова. См.: ОР РГБ. Ф. 332 (В. Чижова). Карт. 5. Ед.хр. 20. Лл.1–2.

¹⁷ *Витвицкий Л.* Памяти Е.В.Чешихина // Рижский Вестник. 1893. № 291. 31 декабря. С. 2. См. также: Сборник иностранных повестей / Сост. Л.Н. Витвицкий. Митава, 1880. Т. 1; *Витвицкий Л.Н.* Из воспоминаний об И.А. Гончарове // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969. С. 222–224.

¹⁸ Финляндская газета. 1900. № 2. 4 января. С. 4. Такие же анонсы о подписке на «Рижский вестник» публиковались и в следующие годы. См.: Финляндская газета. 1900. № 152. 21 декабря. С. 6 и далее.

ситуацию и настроения коренных жителей в регионах империи, сохранявших права административной автономии и имевших при этом серьезные внутренние этно-социальные проблемы¹⁹.

Справедливости ради надо заметить, что публикации в *ФГ*, заимствованные из «Рижского вестника», касались не только указанных выше проблем. Финляндского читателя знакомили также с различными сторонами быта, общественной жизни Прибалтийского региона, с некоторыми необычными случаями. Так, например, перепечатывались статьи об оригинальном способе борьбы с пьянством, придуманном Рижским обществом трезвости «Auseklis» (там объявили конкурс на лучшую пьесу на латышском языке о вреде пьянства), об открытии на средства одного курляндского помещика новой волостной школы (построено двухэтажное здание с интернатом, библиотекой и прочим необходимым оборудованием), о потомственном латышском народном учителе из Лифляндской губернии и членах его семьи, также учителях; и др.²⁰ Но в контексте правительственной политики интеграции Прибалтийского региона с империей такая информация призвана была показать, что сокращение прав остзейской автономии и русификация региона не имели отрицательных последствий для коренного населения – латышей. Аналогичные сведения поступали и из Северной Эстонии, например, об открытии в русско-эстонской Нарве на Кренгольмской мануфактуре школы для малолетних рабочих²¹.

Но, безусловно, более значимыми были материалы, характеризующие условия, в которых проводились рефор-

¹⁹ См., например: Русская печать о Финляндии // Финляндская газета. 1900. № 10. 20 января. С. 2.

²⁰ Финляндская газета. 1900. № 7. 16 января. С. 3; № 9, 20 января. С. 4; № 32, 14 марта. С. 4 и др. В «Рижском вестнике» эта информация была заимствована из латышских газет.

²¹ Финляндская газета. 1901. № 3. 6 января. С. 3. Информация из эстонской газеты «Postimees».

мы по русификации Прибалтийского края, применительно к перспективам осуществлявшихся преобразований в Финляндии. Так, в *ФГ* была перепечатана из «Рижского вестника» большая аналитическая статья – отклик на начинавшиеся разговоры о возможных отступлениях государства от основной линии в проведении реформ в Остзейских губерниях. Редакция «Рижского вестника» считала своей обязанностью разъяснить общественности, что политика империи в национальных окраинах, начатая при Александре III, не была чем-то временным, а вытекала из «глубины неотвратимых обстоятельств, создаваемых ростом национального сознания русского народа». В начале XIX в. слабость «национального самосознания» русского народа привела «к колебаниям» в государственной политике, наносившим ущерб ее «национальным задачам»²². Конкретизируя мысль автора статьи, можно сказать, что здесь объясняются вынужденные для Российского государства причины сохранения и подтверждения прав автономии остзейского рыцарства, распространения этих прав на присоединенное в 1795 г. к Российской империи Курляндское герцогство, а также предоставления широкой автономии Великому княжеству Финляндскому после перехода Финляндии к Российской империи в 1809 г.

Однако век спустя, на рубеже XIX–XX вв., Россия «как самостоятельная национальная личность» стала уже настолько мощной, что мечтать об ослаблении русского государственного централизованного начала было бы для «наших окраин делом совершенно бесплодным и чреватом тяжелыми разочарованиями». «Один глубокий вдох народной груди способен рассеять все эти чуждые ей призрачные настроения. Это, кажется, начинают понимать и наши окраинные сферы». Убедительным подтверждением того, что поворота быть не может, служит напечатанное в газете «*Düna-Zeitung*» («Двинская газета») письмо, которого «по трезвости и глубине суждения», «по уму и прозор-

²² Финляндская газета. 1900. № 8. 18 января. С. 1.

ливости автора» еще не встречалось в прибалтийско-немецкой печати. Немецкий автор, рассматривая государственную политику России в конце XIX в., приходит, таким образом, к «справедливому и основательному заключению», что «идея Александра III создать по-русски мыслящую и говорящую Россию сегодня также действительна, как и 20 лет назад». К тому же теперь в сфере воплощения этой идеи оказалась и «Финляндия – единственная национальная окраина, находившаяся до сих пор вне ее воздействия». В последовательности воплощения этой идеи немецкий автор видит доказательства того, что «верить в возможность отступления от этого столь систематически утверждаемого направления могут только фантазеры или дети». Созданные «на окраинах реформами порядки следует считать установленными бесповоротно»²³.

Публикация столь «убедительных» аргументов в *ФГ* совпала с усилением требований имперского центра перейти на русский язык в работе административных органов Великого княжества Финляндского, в том числе и в работе финляндского сената. Проблема с употреблением русского языка в Финляндии была тогда весьма актуальной. Плохое знание или полное его отсутствие среди работников сферы обслуживания, транспорта, полиции было обусловлено закрытостью региона по отношению к остальным частям империи, а также способствовало этой закрытости. Из-за оторванности от России русский язык плохо знали не только шведы и финны, но и многие православные русские (не говоря уже о немногих этнических русских, принявших лютеранство), жившие в финском окружении²⁴. В *ФГ* уделялось большое внимание мероприятиям властей империи по поддержке русских школ (финансированию, выделяе-

²³ Там же. С. 1–3.

²⁴ Например, по приведенным в *ФГ* данным, в Гельсингфорсе/Хельсинки в 1890 г. из не слишком многочисленной русской общины 210 человек вообще не знало русского языка. См.: «Финляндская газета». 1900. № 46. 18 апреля. С. 3.

тому на подготовку учителей, контролю за уровнем преподавания русского языка) и Православной церкви в Финляндии (в том числе, организации богослужения на русском языке). Русское население рассматривалось в качестве опоры центральной власти при дальнейшем внедрении в народные массы обрусительских идей. Затем ставился вопрос об обучении русскому языку православных финнов²⁵.

Но вроде бы законные требования знать государственный язык, предъявляемые к местным законодателям, чиновникам и служащим, вместе с другими вторжениями в Конституцию автономии – началом призыва граждан Финляндии на воинскую службу в российскую армию, требованиями унифицировать местное право с общероссийской правовой системой, отменой финской почтовой марки и др. – вызывали активное неприятие в массах, тем более, на фоне приведенных выше «убеждений» о неизбежности санкционированных из имперского центра преобразований и закрытия ряда местных газет, публиковавших материалы против этого.

В связи с обострением вопроса о русском языке И.А. Баженов начал уже в мае 1900 г. публиковать серию очерков под общим названием «Русский язык на окраинах». Очерки, в которых были использованы материалы из работ историков того времени, делились на три части: Прибалтийский край, Польша и Финляндия. Интересно, что вторая часть серии была посвящена только истории внедрения русского языка в Царстве Польском («Привисленском крае»)²⁶, хотя по национально-социальным признакам (социальные верхи в регионе – поляки, а низшие слои общества – представители коренных народов) для сопоставления с Финляндией с ее шведскими правящими

²⁵ Финляндская газета. 1900. № 23. 22 февраля. С.1–2; № 24. 24 февраля. С. 2; № 25. 28 февраля. № 30. 9 марта. С. 1; № 46 . 18 апреля. С. 3. №. 49. 25 апреля. С. 2–3 и др.

²⁶ Русский язык на окраинах. II. Привисленский край // Финляндская газета. 1900. №№ 67–72. 6–16 июня.

кругами логичнее было бы уделить внимание Северо-Западному краю. Однако надо полагать, что редактор *ФГ*, будучи приверженцем русофильских националистических взглядов, относил все коренное население этого края – как белорусов, так и литовцев с латгальцами – к русским.

Автор публикации не указан. Но, судя по высказываемым мыслям, близким националистам и приверженцам «великой России», автором мог быть сам И.А. Баженов. Публикация начинается с изложения общих положений, обосновывающих права империи на национальные окраины: 1) в неотложных случаях Россия была вынуждена укреплять коренные устои своего государства, что происходило путем присоединения областей, дающих ей выход к морю, а также позволяющих воссоединить «ранее отторгнутые исконные русские земли»; 2) завоевание новых земель оплачено многими тысячами русских жизней, и это закрепляет их за «великой империей в вечную и безраздельную собственность». Иначе говоря, Россия получила национальные окраины «по праву сильного» и этим не отличалась в принципе от других империй.

Вместе с тем, «Русь собирательница», как называет ее автор, «вступая в державное обладание приобретенными или отвоеванными землями, никогда не предъявляла своих прав победителя в сколь-нибудь резкой форме, стараясь гуманными мерами приобрести и любовь, и преданность инородческого населения». Власти никогда не стремились «обезличить» какой-либо из народов окраин, «обрусить» их «в тесном смысле слова», не спешили навязывать здесь русские обычаи, права, даже административные порядки, изменять по русскому образцу внутренний уклад местной жизни. Но законными были требования, чтобы «русский язык занял на окраинах подобающее место». Сношения между коренной Россией и окраинами могли происходить при наличии единого государственного языка. Язык административных и деловых отношений в государстве «всегда должен быть един для всех частей государства, тем более, самодержавного».

Помимо административной необходимости, распространяя русский язык на окраинах, власти империи предоставляли тем самым местным народам «экономические и культурные выгоды», возможность «пользоваться богатствами русской культуры».

Изменения вводились постепенно, по мере необходимости, «под давлением неотложных требований жизни» или в силу привходящих изменений. То, что во вновь приобретенных окраинах местные административные языки не сразу заменялись русским, следует рассматривать «как результат временного снисхождения», а не как «намерение государства узаконить многоязычие». При этом на окраинах «чужой» (то есть русский) язык «не навязывался», а «предлагался»²⁷. Итак, Россия в своей национальной языковой политике сочетала имперскую твердость и гуманность: давала жителями национальной окраины время проникнуться необходимостью принять условия, «предлагаемые» центральной властью.

В следующем далее материале рассказывается о проведении имперской языковой политики и ее результатах в Прибалтийском крае. В основе публикации – труды историков А.С. Будиловича и Г.Я. Киприановича. Эти работы вышли в свет в последние годы XIX в. Авторы были знакомы редактору *ФГ* И.А. Баженову и высказывали близкую ему точку зрения на принципы сосуществования Российской империи и ее национальных окраин, на то, что развитие немецкого образования в крае, носившее антирусскую направленность, происходило за счет русской государственной казны; местное остзейское дворянство и немецкая профессура в Дерптском университете проводили политику, настраивавшую образованные слои населения региона против Российского государства, что противоречило и интересам коренных народов, которые могли

²⁷ Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 58. 16 мая. С. 2.

найти поддержку в лице имперского правительства²⁸. Читателям *ФГ* представляли и других русских ученых, излагавших аналогичную точку зрения: «отстаивавшего русские начала в Прибалтийской окраине» М.Н. Харузина, полемизировавшего с идеологами остзейского дворянства об их правах в регионе в отношениях с коренным населением и с империей, его братьев – историка и этнографа, изучавшего историю Прибалтийского края и его жителей Н.Н. Харузина и А.Н. Харузина, «крепко стоявшего на страже русских интересов в Балтийском крае, посвятившем свои досуги изучению крестьянского землевладения в Эстляндской губернии»²⁹.

История распространения русского языка в Прибалтийском крае излагается сначала в том виде, как это задумывалось верховной властью, а затем показано, как реализация задуманной программы выглядела в действительности. Сохранение немецкого языка как основного в Прибалтийском крае определялось условиями «Аккордных пунктов» 1710 г. – привилегиями автономии, предоставленными Петром Великим прибалтийскому рыцарству при присоединении Эстляндии и Лифляндии к Российской империи. В первой половине XIX в. немецкий язык сохранялся в качестве административного на всех уровнях в пределах Прибалтийских губерний и только в 1845 г. в мирских крестьянских судах было разрешено употребление латышского и эстонского языков. Упоминание о местных языках в очерке *ФГ* было важно для читателя Великого княжества, где финскому языку Александром II придан статус госу-

²⁸ Будилович А. Несколько данных и соображений об успехах русского языка в Юрьевском (б. Дерптском) университете в истекающем столетии (Речь, прочитанная 10 мая 1898 г. в годичном собрании состоящего при этом Университете Ученого литературного общества). Юрьев, 1899; Киприанович Г.Я. Русский язык в Прибалтийском крае // Русский вестник. СПб., 1897. Т. 249. Май. С. 159–189; Июнь. С. 142–164.

²⁹ Финляндия в русской печати. Сочинения Н.Н. Харузина // Финляндская газета. 1900. № 176. 25 ноября. С.2.

дарственного наравне со шведским. Правда, в газете не уточнялось, что латышский и эстонский языки допускались лишь в ходе судебных разбирательств, а документы составлялись по-немецки³⁰.

Программа постепенного введения русского языка в административную систему Прибалтийских губерний начала реализовываться с 1850 г. Она заключалась в том, что «в случае необходимости» переписка должна была осуществляться на русском языке. Соответственно возникла потребность брать на работу в административные учреждения чиновников со знанием русского языка. Избегая таким образом «резких изменений», власти в Петербурге «старались убедить инородцев», что введение русского языка необходимо для их же собственной пользы. Правда, в *ФГ* предпочли не упоминать о замечании Киприановича, связывавшего введение русского языка как учебного предмета в начале 70-х годов в прибалтийских школах не только с тягой к нему коренных народов, но и с военной реформой, новым воинским уставом 1874 г., согласно которому призывники из национальных районов должны были владеть русским языком³¹. Подобное сравнение для финской общности в условиях резкого недовольства началом призыва жителей Финляндии в российскую армию было бы лишним поводом для антирусских настроений в местном обществе.

Подтверждением «намерений властей работать во благо Балтийских и Финляндских губерний, готовить контингент из местных уроженцев для занятия чиновных мест» было «открытие Дерптского университета» в 1802 г., в котором с 1813 г. начали преподавание трехлетнего курса русского языка³². Вряд ли подавляющее большинство чита-

³⁰ Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 59. 19 мая. С. 2.

³¹ Киприанович Г.Я. Указ. соч. Июнь. С. 145.

³² Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 59. 19 мая. С. 2.

телей *ФГ* знали, что университет в Дерпте был основан в 1632 г., а в 1802 г. его работа была возобновлена по указу императора после длительного перерыва, во исполнении обязательства империи перед остзейским рыцарством, записанного в «Аккордных пунктах»³³. Тем более, что в официальной истории Дерптского университета, излагаемой в Российской империи того времени, о шведском его периоде обычно не упоминалось. А без этой предыстории Российская империя представлялась первооткрывателем высшего учебного заведения в Прибалтийском крае.

В следующих же номерах газеты положение о «постепенности» введения русского языка опровергается фактами, раскрывающими сложность осуществления данной программы в связи с сопротивлением прибалтийских немцев, включая преподавателей и студентов Дерптского университета, а также высших чиновников края, отражающими распоряжения из Петербурга и в 1850-х, и в 1870-х годах, а также занятость правительства Александра II проведением других реформ в государстве. О влиятельном прибалтийско-немецком лобби при дворе Александра II и о нежелании портить отношения с «остзейцами» в условиях польского восстания 1863–1864 гг. и ликвидации его последствий как причинах отступления от курса русификации в Прибалтийских губерниях в *ФГ* не упоминается.

Начало нового витка в утверждении русского языка связано с очередным указом о введении делопроизводства и переписки с Петербургом по-русски в губернских учреждениях, а также с открытием русских гимназий в Риге (1868) и в Ревеле (1871) и учительских семинарий с преподаванием на русском языке в Риге (1869) и в Дерпте (1878) в расчете на перевод преподавания на русский язык в городских и уездных школах. В качестве стимулирующей меры рассматривается сокращение действительного срока

³³ Об истории Тартуского/Дерптского университета см.: История Тартуского университета. 1632–1982 гг. / Ред. К. Сийливаск. Таллинн, 1983.

службы для инородцев, получивших образование в национальных школах, но свободно читающих и пишущих по-русски (по Уставу о воинской повинности 1874 г.)³⁴.

В качестве сторонников политики правительства в 70-х годах, выступавших за «усиление преподавания русского языка» и за «необходимость учреждения в крае русских учебных заведений», в *ФГ* названы «местные общественные учреждения, а также сельские общества – как православные, так и лютеранские». Именно исходя из их пожеланий министр народного образования граф Д.А. Толстой предложил преобразовать «начальные и уездные училища в крае в городские четырехклассные училища с русским языком преподавания», но на практике это сумели осуществить только при Александре III³⁵. «Сельские общества», без сомнения, коренные жители – латыши и эстонцы, но в *ФГ* не уточняется, что такое в данном случае «местные общественные учреждения». Можно предположить, что подразумеваются латышские и эстонские национально-культурные организации (или отдельные деятели), которые с конца 60-х годов начали активно действовать, в том числе, выпускать печатные издания на национальных языках. Они действительно считали обучение школьников русскому языку необходимым, но при этом интенсивно обсуждали вопрос об организации среднего образования на латышском и эстонском языках³⁶.

³⁴ Согласно п. 57 раздела IV главы VI Устава.

³⁵ Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 60. 20 мая. С. 1; № 61. 23 мая. С. 1–2.

³⁶ *Назарова Е.Л.* Русский язык как инструмент русификации/обрусения Остзейского края в политике властей и представлениях общественности Российской империи. XIX в. // Исторический путь литовской письменности. Вильнюс, 2005. С. 273–277. Стимулом для крестьян-лютеран отдавать детей в приходские православные школы с русским языком обучения (тем более, что туда разрешалось принимать и лютеран) была перспектива для лучшего будущего их детей, поскольку национальных школ следующих ступеней не было. Но бедность и плохое

Сторонниками увеличения числа городских учебных заведений с преподаванием на русском языке были, в первую очередь, члены русской общины в Прибалтийском крае. Однако отсутствие такого уточнения в газете создавало у финляндского читателя впечатление о поддержке перехода к русскому языку обучения со стороны большей части коренного населения. Это впечатление должно было подкрепляться ссылками на то, что при подавляющем большинстве в Прибалтийском крае «летто-эстонского населения», они имели только «около 1/13 всех учебных заведений и около 1/3 – в городах», а в подавляющем большинстве были школы с немецким языком обучения»³⁷.

Отметим, что подобным же образом строилась в газете и агитация за увеличение русских школ для финнов в Финляндии: при существенном численном перевесе финского населения количество городских школ, и особенно гимназий, с финским языком преподавания было значительно меньше, чем шведских. Это было вызвано политикой шведского правящего меньшинства в Великом княжестве. Увеличение же числа русских учебных заведений могло бы расширить возможности для финнов к получению хорошего образования и для дальнейшего устройства на территории всей империи. То есть, выступление шведских социальных верхов против русской школы в Финляндии было направлено против интересов финнов³⁸. И как итог: в русской Финляндии государственным языком может быть только русский. Затем, в качестве местного языка естественно преобладание финского. При этом нет основа-

состояние помещений таких школ, содержащихся на государственные средства, делало их менее привлекательными (там же.)

³⁷ Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 64. 31 мая. С. 2.

³⁸ Из местной печати // Финляндская газета. 1900. № 70. 13 июня. С. 3; Русский язык на окраинах // Там же. № 76. 27 июня. С. 2; № 77. 29 июня. С. 2; Учебные заведения в Финляндии в 1898–1899 гг. // Там же. № 121. 10 октября. С.1–2; и др.

ний опасаться, что что-то грозит финскому языку³⁹. Но, проводя аналогии между Прибалтийским краем и Финляндией, автор очерка не уточняет, что латышских и эстонских гимназий и даже неполных средних учебных заведений не было, а вопрос «о естественном преобладании» латышского (или эстонского) языка как местного языка, на котором говорит большинство населения края, в прибалтийских властных учреждениях вообще не обсуждался.

Так же, как в Финляндии распространению русского языка противостояли шведы и часть финнов, так и в Прибалтийском крае камнем преткновения было противодействие «немецкой и ему сочувствующей части населения региона». Немецкие профессора Дерптского университета уже в 1870 г. написали коллективную петицию против переписки на русском языке. В прибалтийско-немецком образованном обществе требования о преподавании русского языка в учебных заведениях ассоциировались с «угнетением германизма и протестантизма». Введение русского языка в присутственных местах и средних образовательных учреждениях называли «столь же варварским, сколь и тиранским». Работа комиссии Н.А. Манасеина в 1882 г. в Прибалтийском крае выявила факты враждебного отношения здешних немцев к России, «пренебрежения к русскому народу и вообще к славянам». На преподавание русского языка в учебных заведениях смотрели как «на уступку печальной необходимости». В школьных учебных курсах истории и географии максимальное внимание уделялось Германии.

Таким образом, выявленное «противодействие» привело к окончанию «долготерпимости русского правительства». В 1885 г. «окончательно и бесповоротно» в Прибалтийском крае было введено делопроизводство на русском языке. В 1887 г. в связи с нежеланием прибалтийско-немецких административных учреждений, педагогических кругов и лютеранской церкви исполнять требования обу-

³⁹ Из местной печати // Там же. № 180. 2 декабря. С. 2.

чать местное население русскому языку, был утвержден полный перевод образовательных заведений края на русский язык преподавания. А противодействию этому указу привело, наоборот, к максимальному сокращению предполагаемого срока перевода, во время которого должны были пройти переподготовка учителей или замена новыми кадрами, переориентация учащихся и т.п. Реформа «не вызвала сочувствия у местного общества». В качестве выражения несогласия с реформой были закрыты некоторые старые немецкие школы, сокращались размеры пенсий учителям и т.п. Но несколько лет спустя противники преподавания на русском языке в основном примирились с тем, что поворота нет. Стали открываться школы, закрытые в знак протеста, но уже с преподаванием на русском языке. Распространение государственного языка способствовало увеличению русского населения в крае. Одновременно в регионе проводились реформы по общероссийскому образцу – судебная, военная и др.⁴⁰.

Итак, финляндскому читателю предлагается вариант поведения в условиях неизбежности реформ: лучше добровольно принять тот минимум, который исходит из имперского центра. Лучше согласиться с необходимостью изучать государственный (русский) язык в учебных заведениях, а также обучить ему чиновников административных институтов, сотрудников разных структур и сфер обслуживания, необходимых для функционирования государства (полиция, транспорт, почта, телеграф и др.), нежели то же самое будет сделано насильственно, со значительно большей степенью русификации, с притоком русских чиновников, служащих и т.п.

Что касается коренных народов Прибалтийского края, то реформы спасли их «от систематического онемечивания» и дали возможность «в сельской школе познавать как язык, так свойства и стремления русского народа, по-

⁴⁰ Русский язык на окраинах. I. Прибалтийский край // Финляндская газета. 1900. № 64. 31 мая. С. 1; № 65. 1 июня. С. 2; № 66. 3 июня. С. 1.

лучив в этом знании новое орудие для своего будущего благосостояния»⁴¹.

Допущение же того, что можно было бы дать местным народам «новое орудие» в виде русского языка, но обучать ему и знакомить с русской культурой в средних школах с преподаванием на латышском и эстонском языках, и того, что присылаемые из России чиновники должны знать языки коренного населения (подавляющего большинства жителей региона), противоречило идеологическим представлениям русского националиста.

Мысль о том, что латыши и эстонцы в Прибалтийском крае, финны Финляндии могут найти поддержку своим экономическим и национальным интересам только в лице империи, а не в лице местных иноэтничных (соответственно: немецких и шведских) социальных верхов, неоднократно проводилась на страницах *ФГ*. В этой связи использовались и публикации иностранных газет. Например, в *ФГ* подробно излагалось содержание статьи из берлинской «National Zeitung», где было высказано мнение о том, что культурный и образовательный уровень населения западных национальных окраин Российской империи (имелись в виду Прибалтийские губернии) значительно выше, чем в «старорусских» районах. Выходцы из этих районов, находясь на государственной службе в разных районах страны, в большой мере способствовали цивилизационному росту Российской империи. Под их влиянием Александр I стал задумываться о возможности введения конституции в России⁴².

⁴¹ Там же. № 66. С. 1.

⁴² В *ФГ* справедливо высказывается недоумение по поводу того, что «конституция» была в Прибалтийском крае. См.: Финляндия в иностранной печати // Финляндская газета. 1902. № 29. 21 февраля. С. 2, № 30. 22 февраля. С. 2. Но остзейское дворянство отождествляло с конституционным правлением ландтаги рыцарства, обладавшие правами решения внутренних вопросов в Прибалтийских губерниях согласно с «Аккордными правилами» 1710 г. Также называется полеми-

Полемизируя с германским публицистом, автор статьи в *ФГ* мог вспомнить из известных остзейцев на русской службе только Эрнста Бирона причем заметил, что деятельность его в России «едва ли можно назвать “культурной работой”». Других государственных деятелей, военачальников, мореплавателей, исследователей, ученых и т.п. автор, очевидно, не знает или не видит их заслуг. При этом об «образованном» слое можно говорить, по мнению *ФГ*, только в отношении прибалтийских немцев. Последних в крае только около 6% (по статистическим данным того времени – примерно 8%. – *Е.Н.*) всего населения. Подобная ситуация и в Финляндии, где представители господствующей в социальном отношении и более образованной нации – шведов составляют только 13% всего населения. А «львиная доля» высокого экономического развития края и их благосостояния происходит от тех льгот, которые им дарованы русскими монархами «за счет русского населения»⁴³. Большинство коренного населения и в Прибалтике, и в Финляндии, по словам автора *ФГ*, – «до сих пор народная темная масса», которая «безмолвна». Но так будет не всегда. Улучшение условий жизни местные народы получают от имперского правительства, что и вызовет с их стороны «ответное отношение, не похожее на образ действия высших общественных слоев»⁴⁴. В чем реально заключается программа улучшения жизни коренного населения Прибалтийского края, в статье не разъясняется.

Те же мотивы при сопоставлении Прибалтийского края и Финляндии звучат и в другой статье *ФГ*, основан-

ческая брошюра М.Н. Харузина: Балтийская конституция. Историко-юридический очерк. М., 1888.

⁴³ Заявление, типичное для имперской политики, трансформируемое в русские народные массы с помощью национал-патриотов и в Российской империи, и в СССР, при бедности русского населения попадало на благоприятную почву и не требовало аргументации.

⁴⁴ Финляндия в иностранной печати // Финляндская газета. 1902. № 30. С. 2.

ной на пересказе заметок из «Рижского вестника» о путешествии «русского рижанина» в Гельсингфорс⁴⁵. Путешественник, уроженец степной части России, воспринимает как экзотику каменистый пейзаж Финляндии. Он едет в Гельсингфорс из Петербурга и по сравнению с коренной Россией чистота, порядок, культурное обслуживание в Финляндии (начиная с поезда) производят на него неизгладимое впечатление. Его попутчик – русский купец из Финляндии рассказывает ему о трудолюбии коренного населения – финнов, которым приходится выживать в трудных природных и климатических условиях. Финляндия выглядит благоустроенной страной. Известен более высокий уровень жизни и образования ее жителей, чем в остальной части империи, что вкупе с ее «самостоятельностью» представляется образцом для подражания соседних национальных окраин империи. Но таких «успехов» Финляндия достигла благодаря условиям своего существования – ей живется «тепленько под крылышком сильной России» и не надо тратиться на большую армию, так как ее внешнюю безопасность обеспечивает Россия. За этот счет финляндцы и могут тратить до 10% внутреннего дохода на образование. Однако благосостоянием края пользуются по большей части шведы; они настоящие правители и собственники земель в Финляндии. Финны, большинство из которых крестьяне, арендуют земли у шведских помещиков или батрачат на них. Незнание русского языка не позволяет им искать работу в России и усиливает их зависимость от шведов. Лучшей жизни они могут добиться только с помощью имперских властей, посредством сближения региона с остальной Россией. Русский язык может открыть им дорогу в лучшую жизнь.

Автор статьи в *ФГ* пересказывает основные мысли статьи в «Рижском вестнике». Цель у обоих журналистов общая – показать преимущества для коренного населения

⁴⁵ См.: *Закопырин Д.В.* Три дня в стране воды и камней // Рижский вестник. 1902. № 107. 15 мая. С. 1.

Финляндии от интеграции региона с Российской империей и от владения финнами русским языком. Но в зависимости от того, на кого рассчитан материал, в газетах делаются разные акценты. Статья в «Рижском вестнике» предназначена для того, чтобы продемонстрировать обществу Прибалтийских губерний, где в начале XX в. усилилось обсуждение вопроса о национальных правах коренного населения, создании национальной культурной и административной автономии, что конституционное устройство Финляндии реально не предоставило равных прав коренного финского населения со шведами. Не было на практике реализовано и провозглашенное Александром II равенство финского языка со шведским. А мызы финских крестьян – «жалкие домики, в сравнении с латышскими большими и просторными избами». Информацию о положении финских крестьян автор статьи, назвавшийся Д.В. Закопыриным, получил от попутчика – русского купца, десять лет прожившего в Финляндии. Он же рассказал, сколь тяжело финнам без русского языка. Возражая сообщениям российской прессы о массовых протестах в Финляндии против русификации края, купец сказал, что неверно внешнее впечатление, будто бунтует вся Финляндия. На самом деле «бунтуют дворяне-шведы. /.../ Финн же рад-радешенек почину русского правительства. Финн убежден в глубокой справедливости русского могучего императора, который своей широкой гуманностью известен всему миру». Иначе говоря, финский опыт показывает, что для процветания народов национальных окраин нужно стремиться не к изолированности, а к тесному соединению с Россией.

Автор же в *ФГ* использует материалы публикации «Рижского вестника», чтобы продемонстрировать финляндцам преимущества для экономического положения Прибалтийского края и для его населения от «обрусения». Наблюдения Закопырина в *ФГ* представлены как его собственные, без ссылок на русского финляндца и точной передачи его слов. Но читателю предлагается экскурс в историю, показывающий сходные черты развития Финляндии и

Лифляндии, так как когда-то они обе принадлежали Швеции, но затем Лифляндия «силой русского оружия при Петре I перешла к России». «И там масса коренного населения – латышей и эстов, жила в полном подчинении, почти порабощении у немецкого меньшинства», и только от «русской государственной власти» эта «масса получила необходимые условия своего духовного и материального развития».

Ни один портовый город Финляндии не может по богатству и торговому значению сравниться с Ригой и даже с Ревелем. При этом двухсотлетнее пребывание «под русской державой» нисколько «не стерло с края и его населения индивидуальных черт». В неприкосновенности осталось лютеранство и лютеранская церковь, сохранились «особые гражданские законы», «крупные особенности земского строя»; «изменения судебных мест» были произведены только в царствование Александра II и «только на пользу местного населения». Став «вполне русскими в государственном и гражданском значении слова, латыши и эстонцы не перестали быть латышами и эстонцами в племенном смысле: сохранили свой язык, свои права и обычаи, свои культурные особенности»⁴⁶.

Очевидно, что автор стремится создать общее впечатление, не заботясь о соблюдении исторической и географической точности. Так, он объясняет более высокое развитие прибалтийских городов по сравнению с финляндскими портами исключительно «полным объединением» региона с Россией, игнорируя более выгодное географическое расположение Риги и Ревеля. Говоря о национальных чертах местных народов, автор приписывает им сбережение особенностей в условиях прибалтийской автономии, предоставленных Петром I не латышам и эстонцам, находившимся в крепостном состоянии, а остзейскому рыцарству. Коренные народы действительно не утратили свой

⁴⁶ Финляндия в русской печати. Три дня в стране воды и камней // Финляндская газета. 1902. № 88. 11 июня. С. 2.

язык и культурные особенности, но в статье не уточняется, о каких «сохраненных правах» латышей и эстонцев может идти речь. Здесь автор статьи явно хочет, чтобы читатель отождествил их положение с тем, что получили финны при Александре II – это, прежде всего, присвоение финскому языку статуса государственного в Великом княжестве наряду со шведским.

Не уточняется также, развитие каких «культурных особенностей» латышей и эстонцев имеет ввиду автор статьи. Отметим, что русские университетские профессора, члены Российской Академии наук оказали значительную помощь в сборе и публикации произведений латышского фольклора: дайн, сказок, пословиц (в получении денежных средств на предварительную работу и издание). Но в *ФГ* такие детали не приводятся, тем более, издание фольклора, так же как и издание газет, журналов, книг на латышском и эстонском языках происходило по инициативе лидеров национального возрождения, а не было следствием государственной национальной политики. Не соответствовал действительности и тезис о том, что замена «немецкого преобладания» русским в Прибалтике позволила латышам и эстонцам «развивать литературу и журналистику»⁴⁷. Формирование национальной интеллигенции (в том числе появление литераторов и журналистов) в Прибалтике было закономерным последствием отмены крепостного права и других социально-экономических реформ, жизненно необходимых для продвижения Российской империи по пути исторического прогресса, а не результатом благодеяния государства в отношении латышей и эстонцев. А появление литературы и периодики на языках коренных народов региона относится еще ко времени «немецкого преобладания» в крае. Сомнительно, что автор статьи знал такие подробности прибалтийской истории, но существеннее, что в стремлении убедить читателей *ФГ* в преимуществах,

⁴⁷ Там же.

получаемых народами империи от «русской государственной власти», они ему были не нужны.

Достаточно неуклюже звучит сравнение того, что как латышам и эстонцам мешало развивать литературу и журналистику «немецкое преобладание», так и «шведское преобладание» в Финляндии «долго держало в загоне финский язык». О том, что финская литература и периодика развивалась и при «шведском господстве» (хотя и без особого поощрения носителей этого «господства») финскому обществу было известно лучше, чем редактору *ФГ*.

О том, что агитация *ФГ* в пользу сближения с Россией с ссылкой на прибалтийских соседей не достигала цели, свидетельствовало отношение к изучению русского языка. Несмотря на выделение специальных стипендий на открытие курсов для чиновников и служащих⁴⁸, об успехах распространения государственного языка в начале XX в. говорить не приходилось. Характерно в этом плане упоминание все того же Закопырина о сложностях, с которыми он столкнулся в Гельсингфорсе. На вокзале никто из «носильщиков-фурманов» не понимал ни по-русски, ни по-немецки. С трудом он нашел станционного жандарма, сумевшего объяснить ему по-русски, как найти гостиницу, где не знавший финского и шведского языков приезжий сумел бы объясняться с обслугой, а также сказал извозчику, куда везти господина из Петербурга⁴⁹.

Отметим, однако, что многие выходцы из России, долго жившие в Финляндии и сумевшие там наладить свое дело, не испытывали сложностей с языком, но при этом оставались русскими людьми. Среди них, например, по-

⁴⁸ Местная хроника // Финляндская газета. 1902. № 15. 28 января. С. 3; Местная хроника // Там же. № 184. 2 декабря. С. 3; Местная хроника // Там же. 1904. № 15. 25 января. С. 2.

⁴⁹ *Закопырин Д.В.* Указ. соч.

путчик Д.В. Закопырина, другие купцы, а также представители иных профессий⁵⁰.

О том, как видится языковая ситуация редакции *ФГ*, говорится в газете в рассказе о посещении – вероятно, самим И.А. Баженовым – Ревеля летом 1903 г.⁵¹ В отличие от парохода, где не было ни надписей, ни газет на русском языке, Ревель приятно поразил путешественника. Над городом господствовал старинный рыцарский «бург», «сохранивший древнерусское название Вышгород». Автор описывает красоты городских башен и соборов, из которых «красивейший – Александро-Невский собор». Живописный город, имевший средневековый облик, выглядел привлекательнее, нежели «модернизированный германский стиль гельсингфорских построек», в которых чувствуется «какая-то изнасилованная внешность, а потому холодность». Ревель проигрывает Гельсингфорсу по чистоте и удобству гостиниц; многочисленные цветники на бульварах ухожены, но все же не с той тщательностью, как в Гельсингфорсе; у извозчиков «допотопные дрожки», которые создают грохот на улицах. Но, безусловно, приятно для автора, что Ревель все же производил впечатление «русского города». Если Гельсингфорс он сравнивает со «спокойным накрахмаленным и сдержанным в своих движениях буржуа», то Ревель – с «дюжим, вспотевшим от безостановочной работы ремесленником, при этом, если ремесленник немец, то сильно обрусевший». «Повсюду в городе слышна русская речь – она пользуется в городе полнейшим правом гражданства. Русские надписи везде рядом с немецкими и эстонскими; русские – преобладают. Обычно они крупнее и расположены выше, чем остальные». При этом часто немецких надписей вообще нет, «имеются толь-

⁵⁰ См., например: *Пюккенен А.* По соседству, но за границей, или русские в Финляндии // Санкт-Петербургские ведомости. 2008. № 092. 22 мая. С. 1.

⁵¹ Прибалтийский сосед (поездка в Ревель: наблюдения и параллели) // Финляндская газета. 1903. № 114. 27 июля. С. 2.

ко русские и эстонские тексты», а на правительственных учреждениях – только русские вывески. Полицейские, по большей части эстонцы, говорят по-русски. В высшем обществе города активно общаются русские и немцы⁵².

В ресторане немецкая певица исполняет русские романсы, ей аплодируют студенты Рижского политехнического института, имевшие внешний вид «самых разнузданных немецких буршей». Русские в Ревеле – равноправный и даже во многих случаях «преобладающий элемент населения»⁵³. Такая идиллия – зависть для русского гельсингфорсца. Нарисованную идиллическую картинку портят все еще сохраняющиеся «враждебные русскому началу течения», а также в эстонской среде «признаки зарождения нежелательных стремлений к узко-национальному патриотизму». Правда, «эти стремления еще не дерзают столь резко выходить на улицу», как это до последнего времени замечалось в Финляндии. На отношение к России и всему русскому влияет и экономический интерес – торговые связи, железные дороги, соединяющие прибалтийские города с центром России⁵⁴.

Итак, из рисуемой автором картинки национального переустройства Прибалтийского края следует, что преимущества получает русский компонент, имеющий некоторые приоритеты над немецким, но оставляющий последнему достаточное поле деятельности. Эстонцы (эсты) в области своих национальных амбиций должны довольствоваться табличками с эстонскими надписями (особое преимущество – если надписи только по-русски и по-эстонски, без немецких) и не проявлять «узко-национальных интересов». Что конкретно имеется в виду, в статье не разъясняется. Но упомянутое автором сравнение с Финляндией, позволяло предположить, что подразумевается, как минимум, требования расширить права эстонско-

⁵² Прибалтийский сосед ...// Там же. № 117. 2 августа. С. 2.

⁵³ Прибалтийский сосед ...// Там же. № 118. 3 августа. С. 2.

⁵⁴ Там же.

го языка, а как максимум, – предоставить эстонцам права национально-административной автономии. Но эти стремления следует подавить в зародыше и направить интересы коренного населения в русло «обрусения». Нет сомнения, что финский читатель легко мог заменить в рассказе немцев на шведов, а эстонцев на финнов. К тому же было хорошо известно, что преимущества от усиления экономических контактов с центральной Россией, которые автор статьи представлял как выгодное следствие русификации, лишь в меньшей мере доставались коренным народам обоих национальных регионов.

Если же учесть, что *ФГ* позиционировала себя как «рупор» имперской правительственной политики, то и пристрастия автора статьи рассматривались не как его личные пожелания, а как запрограммированная государством позиция. Так что прочитавшего статью финна (даже если он не имел ничего против русского языка и вообще русских как представителей народа, а не государства с его национальной политикой) изложенная перспектива в лучшем случае не привлекала, в худшем – направляла в лагерь открытых противников слияния с Россией.

В этом отношении можно сказать, что *ФГ* с точки зрения ее общественной значимости для разрешения национального конфликта в Великом княжестве Финляндском представляла собой не просто «живой труп», а наносила вред тем положительным и закономерным аспектам национальной политики правительства, которые могли бы усилить внутреннюю сплоченность государства. Расставленные в газете акценты в сфере правительственной национальной политики хорошо показывают, как разумная толерантность центра в понимании проблем развития коренных народов на окраинах империи заменялась великодержавным давлением. Заметим в заключении, что методы решения проблем национальной политики в Российской империи обсуждались во многих печатных изданиях. При этом некоторые газеты и авторы склонялись к «народной дипломатии». Например, в «Биржевых ведомостях» была

помещена заметка о том, что самые большие «обрусители» в регионе – русские дачники в Финляндии и финляндцы, прожившие сколько-то лет в России. Дачник – явление экономическое, в котором участвуют небогатые финны, получающие от этой категории русского населения заметный доход, а потому заинтересованные в налаживании контактов с клиентами, в том числе и на уровне языкового взаимопонимания. Финляндцы же, много лет прожившие в России, выучившие там детей, нередко женатые на русских, а затем вернувшиеся на родину, приносили с собой чаще всего положительный опыт «обрусения» – наглядный пример для финских соседей⁵⁵. О перспективности и эффективности такого метода «обрусения» для Прибалтийского региона писал двумя десятилетиями ранее лидер латышского национального возрождения Кр. Валдемарс⁵⁶. Однако преобладание в политике правительства с эпохи Александра III получила линия, направленная на более радикальное «обрусительство» национальных регионов. Выразителями этой линии в обществе была одна из самых популярных газет – «Московские ведомости», а также русские газеты, издаваемые в национальных районах – «Рижский вестник» и «Финляндская газета». Конечную цель политики сближения национальных окраин с коренной Россией редакторы газет видели не в сохранении «инородческого» облика регионов, а в том, чтобы эти окраины «стали русскими» (и в политическом, и в языковом смысле), местные же национальные черты оставались исключительно на этнографическом (бытовом) уровне. Поэтому «культуртрегерские усилия» дачников и прочие «щадящие» меры считались не эффективными. Соответст-

⁵⁵ *Старый Журналист*. Обрусение Финляндии // Биржевые ведомости. 1898. № 166. С. 2.

⁵⁶ См.: Назарова Е.Л. Латышская интеллигенция в России. Вторая половина XIX в. К проблеме самосознания нетитульной нации в многонациональном государстве // Россия и Балтия. Страны и народы. Вып. 1 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2000. С. 24–25.

венно, государство не должно было «сидеть сложа руки»⁵⁷. Не берем, применяя сослагательное наклонение к историческим событиям, предполагать, возможен ли был другой вариант в укреплении многонациональной империи, но очевидно, что пропагандируемые названными изданиями методы национальной политики сыграли немалую роль в развале государства.

⁵⁷ Обрусение Финляндии // Московские ведомости. 1898. № 184. 7 июля. С. 3.